

Новое как забытое нами старое:

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В УКРАИНЕ

Отечественной теории перевода советского периода нет. Невозможно же выдавать за нее «единый метод советского реалистического перевода» И.А. Кашкина или фельетонное «Высокое искусство» К.И. Чуковского. Ее определенно нет для международного переводоведческого сообщества: известный переводовед Энтони Пим описывает обнаружение им работ А.В. Федорова, Л.Н. Соболева, А.А. Смирнова как приключение в духе «Острова сокровищ» (одним из главных инструментов ретардации служит трудность найти человека, знающего русский язык)¹. Недавний сборник, также с приключенческим ориенталистским заглавием «На восток: открывая новые и альтернативные традиции переводоведения»², включает русскую традицию в раздел восточноевропейской, с преимущественным акцентом (в таком порядке) на румынской, чешской (Иржи Левый, конечно), латвийской, польской, российской (кроме того, рассматриваются проекции на перевод издавна конвертируемых русских идей московско-тартуской семиотической школы (на перевод в Греции) и М.М. Бахтина (в Италии)). Несколько статей о собственно переводоведении в советской России сосредоточены на давно и хорошо известных лицах (А.В. Федоров) и институциях («Всемирная литература», «Academia»), заставляя предположить, что ничего другого здесь и не было³. Украинские разделы сборника заметно богаче — они написаны, в отличие от российских, не иностранными, а местными, украинскими, учеными и успешно не только переводят, но и актуализируют для международной аудитории подходы ярких украинских теоретиков и критиков перевода 1920—1960-х гг.: А.М. Финкеля, В.Н. Державина, Микола Лукаша, Виктора Коптилова. К теме украинского переводоведения мы еще вернемся.

Все это объяснимо: советское переводоведение пережило несколько травм того же рода, что «борьба с космополитизмом» для советского литературоведения. Оно было последовательно ушиблено «восточными переводами» с подстрочников, от которых после Первого съезда советских писателей 1934 г. долгие годы болела голова не только у вынужденных заниматься ими поэтов, но и у тех, кто писал о переводе; репрессиями и блокадой, изъывшими половину из восьми «лучших переводчиков последних лет», названных М.П. Алексеевым в статье «Перевод» старой Литературной энциклопедии (1934. Т. 8): «М. Кузмин, М.Л. Лозинский, С.В. Шервинский, А.И. Пиотровский, Б.И. Ярхо, М.А. Петровский, А.А. Франковский, А.А. Смирнов», и многих других; послевоенным безжалостным «повержением буквалистов»⁴ и монополизацией поля перевода и его критики несколькими

- 1 Pym Anthony, *Ayvazyan Nune*. The case of the missing Russian translation theories // *Translation Studies*. 2015. № 8 (3). P. 321—341.
- 2 *Going East: Discovering New and Alternative Traditions in Translation Studies* / Ed. by L. Schippel and C. Zwischenberger. Berlin, 2017.
- 3 Отечественные филологи, если пишут о переводе во входящих в международные рейтинги журналах, используют в качестве методологической и терминологической базы почти исключительно работы западноевропейских и североамериканских исследователей — Лоренса Венути, Гидеона Тури, Ханса Вермеера, Эжена Найды, Джорджа Стайнера и др.
- 4 См.: Азов А.Г. Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М., 2013.

одаренными и крайне агрессивными деятелями, как И.А. Кашкин и Ю.Б. Корнеев. Неудивительно, что отечественное переводоведение в самых приличных своих проявлениях свелось к прикладной отрасли лингвистики (поздний А.В. Федоров), салонно-кружковому бытованию (знаменитый ленинградский переводческий семинар Э.Л. Линецкой и заседания в Доме писателя под руководством Е.Г. Эткинды «Впервые на русском языке» собирали и ценили в основном «своих», наподобие нынешнего фейсбука⁵), методикам и пособиям⁶ — тем более, что относительно самостоятельный профессиональный статус оно все же, хоть и с опозданием, обрело⁷ — но учебник, даже самый лучший (В.Н. Комиссарова, И.С. Алексеевой⁸), имеет дидактическую прагматику, то есть должен дать прежде всего ясную методологию, классификацию и технически полезный разбор конкретных примеров, а не излагать философские и филологические основания, делающие перевод фундаментальной культурной деятельностью (как известно, всякое понимание и общение можно описать как перевод), а также теоретические споры, в которых правы обе стороны. Выученный страх философских обоснований, теории, «формализма», личного высказывания, эксплицитной авторефлексии, новаторства делает всякую научную область пресной, бесплодной, заставляет ее тяготеть к методике.

Больше ярких и разнообразных примеров сложного и новаторского понимания задачи переводчика обнаруживается в России конца XVIII — начала XIX вв., начиная с первых масонских переводческих проектов Н.А. Новикова, А.М. Кутузова, Н.М. Карамзина, когда перевод играл значимую роль в формировании русского литературного языка и нового культурного сознания. Однако в историографии русской литературы исследование перевода сильно пострадало от старого представления о «прогрессивной» смене классицизма романтизмом и т.д., а также от традиционной сфокусированности исследователей на крупных фигурах «эпохи романтизма», как В.А. Жуковский и А.С. Пушкин, в ущерб, например, интереснейшему новаторству архаистов и младоархаистов. Глотком свежего воздуха в ряду в своем роде весьма ценных советских академических историко-литературных монографий о переводах и переводчиках XVIII—XIX вв. (занятия XX в. считались, ко-

-
- 5 Сборники «Мастерство перевода», вышедшие в 1959—1990 гг., хотя и отражали преимущественно позицию монополистов советского переводческого дела (Кашкина, Чуковского и др.), содержали отдельные интересные работы, которые заслуживают переиздания.
 - 6 См.: Усов Д.С., Тунцер А.Ф., Цильц З. Сборник текстов для перевода с немецкого языка. С прил. статей по методике и технике перевода: пособие для высш. педагог. учеб. заведений. М., 1934; Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
 - 7 Научный статус отечественного переводоведения остается, по сравнению с прекрасными институционализированными европейскими и американскими translation studies, неполноценным: в университетском дипломе специализация «лингвист, переводчик» дополнена еще каким-то нелепо бюрократическим «специалист по межкультурному общению»; в классификации ВАК диссертации по переводоведению не совсем понятным образом разделены между литературоведческим шифром 10.01.08 («Теория литературы, текстология» предполагает «Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности») и шифром языкознания 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», где имеется «История перевода (переводоведения) и переводческой деятельности, общие и частные теоретические основы перевода, техники и методики процесса перевода, практические навыки и умения переводчика-профессионала, как сложных видов речезыковой деятельности в двуязычной ситуации».
 - 8 См.: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001; Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.; СПб., 2004; Она же. Текст и перевод: вопросы теории. М., 2008.

нечно, непозволительным, да и рискованным, модернизмом), как безупречно строгих, точных и исчерпывающих (Ю.Д. Левин⁹), так и более вольных в изложении (Е.Г. Эткинд¹⁰), предстает монография А.Н. Егунова о «русском Гомере»¹¹, которая, при всем своем фундаментальном историко-литературном характере, заряжена той теоретичностью историко-литературного мышления, которая была свойственна эпохе 1920—1930-х гг., — автор, происходивший из нее и потом изъятый из профессиональной жизни на четверть века войны и лагеря, удивительным образом сохранил былой научный дух, что делает его книгу живой и интересной до сих пор.

Двигаясь к веку XX, мы, в общем, понимаем, что такие различные между собой, фундированные и яркие модернистские переводческие практики И. Анненского, А. Блока, В. Брюсова, М. Лозинского, Б. Ярхо, М. Кузмина, С. Шервинского, Г. Шпета и др., вероятно, как-то стимулировали теоретическое авто/осмысление и критику перевода. И действительно, материала на небольшую антологию советских довоенных *translation studies*, которая была бы интересна сегодня не только как памятник истории, пожалуй, набралось бы. Мы бы, навскидку, включили в нее статью Н.С. Гумилева «Переводы стихотворные» (1919); предисловие М.Л. Лозинского о коллективном переводе сонетов Ж.-М. Эредиа (1921); рецензию В.Я. Брюсова на переводы Г. Шенгели «Верхарн на Прокрустовом ложе» (1923); самые ранние, периода ГИИИ, работы А.В. Федорова; статью Г.А. Гуковского о переводческих состязаниях XVIII века «К вопросу о русском классицизме» (1928); вступительную статью А.Н. Егунова к переводу под его редакцией «Эфиопики» Гелиодора (1932); выступления Б.И. Ярхо, Д.С. Усова и др. на обсуждениях в Комиссии художественного перевода в ГАХН (1924—1930)¹²; статью М.П. Алексеева и А.А. Смирнова «Перевод» из старой Литературной энциклопедии (1934. Т. 8); заметки (письма и проч.) Г.Г. Шпета о переводе¹³; выступления А.А. Смирнова и М.Л. Лозинского на Первом всесоюзном совещании переводчиков (1936)¹⁴; предисловие М. Кузмина к его переводу «Короля Лира» (1936) и его же письмо А.Г. Габричевскому о переводах Гёте (1929)¹⁵; фрагменты из предисловий, рецензий, заметок Р.О. Шор, М.А. Салье, Г.А. Шенгели, С.В. Шервинского.

В приложении можно было бы дать несколько примеров наиболее теоретически заостренных, решавших небанальные переводческие задачи образцов перевода и редактирования (с подробным их разбором): из «Энеиды» в переводе Брюсова; из редакторской работы Лозинского над поэтическими переводами Гумилева во «Всемирной литературе»; из эквиритмических переводов Шекспира (например,

-
- 9 См. библиографический список работ Ю.Д. Левина, сост. Н. Д. Кочетковой, в: *Res traductologica: Перевод и сравнительное изучение литератур*. СПб., 2000. С. 316—360.
 - 10 См. особенно написанные до эмиграции работы Эткинда «Поэзия и перевод» (Л.: Советский писатель, 1963) и «Русские поэты-переводчики от Третьяковского до Пушкина» (Л., 1973) и подготовленный им в серии «Библиотека поэта» том «Мастера русского стихотворного перевода» (Л., 1968). См. также: *Эткинд Е.* Исследования по истории и теории художественного перевода: В 2 т. СПб., 2018—2020.
 - 11 *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964.
 - 12 РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 41, 52, 65, 69, 79, 98.
 - 13 См.: Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост, предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.; СПб., 2013.
 - 14 Тезисы к докладу А.А. Смирнова «Задачи и средства художественного перевода». [М., 1935] (стеклогр. Цедрам); Тезисы к докладу М.Л. Лозинского «Искусство стихотворного перевода». [М., 1935] (стеклогр. Цедрам); см. также: *Лозинский М.Л.* Искусство стихотворного перевода // *Дружба народов*. 1955. № 7. С. 158—166.
 - 15 См.: К истории создания юбилейного собрания сочинений И.В. Гёте / Вступ. статья, публ., примеч. Т.А. Лыковой и О.В. Северцевой // *Литературное обозрение*. 1993. № 11/12. С. 61.

проследить «эквиритмическую» редактуру Г.Г. Шпетом перевода «Короля Лира» М. Кузмина и обратную работу над тем же переводом — А.Д. Радловой); из переводов Д.С. Усовым стихов русских поэтов на немецкий, которые он делал, в частности, переводя А. Блока для выявления германской традиции в его творчестве; из следовавшего принципу «функционального подобия» перевода байроновского «Дон Жуана» Г. Шенгели (который пора «реабилитировать» и переиздать, поскольку «легкий» перевод Т.Г. Гнедич устарел), и проч.

Конечно, антология эта потребовала бы обширных комментариев составителя: пришлось бы пояснять, почему включены только те работы долго живших и плодотворно работавших авторов, как А.В. Федоров и А.А. Смирнов, которые и сейчас можно читать без скидки на «вынужденные компромиссы»; почему нет в свое время затмевавших весь публичный переводоведческий горизонт К.И. Чуковского, И.А. Кашкина или Г.Р. Гачечиладзе, и т.д.

Эта воображаемая антология отечественного переводоведения советского периода была бы гораздо масштабнее и объемнее, если бы — что, кажется, во всех отношениях легитимно — включила в себя работы о переводе, выходявшие в Украине в блестящую эпоху национального возрождения 1920—1930-х гг. Если отечественные исследователи перевода к своим корням пока равнодушны¹⁶, то в Украине ситуация совершенно другая: там в 2000-е гг. вышло несколько фундаментальных антологий и сборников работ отдельных исследователей перевода периода «расстрелянного возрождения», украинские переводоведы публикуют статьи о них на английском языке в международных изданиях, что уже ввело украинское переводоведение советской эпохи в мировой контекст — в отличие от советско-российского¹⁷.

У истоков украинского переводоведения стояли Владимир Николаевич Державин (1899—1964, умер в эмиграции), острый теоретик и активный критик перевода; Александр Моисеевич Финкель (1899—1968), профессор Харьковского университета (известный нам прежде всего по сборнику филологических пародий «Парнас дыбом»), автор первой в Восточной Европе фундаментальной монографии по истории и теории перевода — написанной на украинском языке книги «Теория и практика перевода» (Харьков, 1929); Иван Юлианович Кулик (1897—1937, расстрелян), составитель антологии переводов современных американских поэтов на украинский язык (1928) — которую интересно было бы сравнить с антологией М. Зенкевича и И. Кашкина «Поэты Америки. XX век» (1939); Николай Константинович Зеров (1890—1937, расстрелян), член группы поэтов и переводчиков-«неоклассиков»; представитель «формальной школы» на Украине Григорий Иосифович Майфет (1903—1975, подвергался репрессиям в 1930-е и 1950-е гг., покончил жизнь самоубийством)¹⁸.

16 Достаточно сказать, что обширный архив А.В. Федорова в ЦГАЛИ СПб. (Ф. 158), судя по листам использования рукописей, мало востребован — хотя именем этого самого, кажется, известного отечественного переводоведа назван Институт письменного и устного перевода при Санкт-Петербургском государственном университете; сайт недавно умершего Евгения Витковского «Век перевода» (www.vekperevoda.com), исключительно полезный, при всей своей яркой субъективности, судя по его нынешнему состоянию, никем не поддерживается и того и гляди исчезнет.

17 «Украинский» раздел настоящего обзора написан благодаря неоценимой помощи А.А. Кальниченко, доцента кафедры переводоведения им. Николая Лукаша Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, и с опорой на его многочисленные статьи и публикации по истории украинского перевода и переводоведения.

18 См.: *Корунець І.В.* Біля витоків українського перекладознавства // Всесвіт. 2008. № 1/2. С. 188—194.

Труды названных авторов в Украине в последние годы тщательно собраны, перерезданы и осмыслены¹⁹, в том числе для англоязычной аудитории²⁰. Мы здесь остановимся только на двух монографических сборниках работ — А.М. Финкеля и В.Н. Державина (обе книги вышли в переводоведческой серии винницкого издательства «Нова книга» «Dictum Factum»).

Сборник избранных трудов А.М. Финкеля²¹ двуязычен, поскольку Финкель писал и печатался как на украинском, так и на русском: фундаментальная монография 1929 г. «Теорія і практика перекладу», составляющая центральный текст сборника, перекликается с русской статьей «О некоторых вопросах теории перевода»²²; статья «Іван Франко — перекладач Некрасова» (1956) печатается по украинскому варианту²³ — имеется и ее русский вариант²⁴. Во входящей в сборник статье «Об автопереводе»²⁵ Финкель касается автопереводов Г. Ф. Квитки-Основьяненко, о которых писал ранее на украинском в статье в сборнике памяти Квитки 1929 г. и в кандидатской диссертации, защищенной в Харькове в 1939 г. Сборник также включает две поздние и известные отечественному читателю работы Фин-

-
- 19 См. общие работы: *Коптилов В., Кочур Г.* Пятьдесят лет украинского перевода (Краткий исторический очерк) // Кочур Г. Література та переклад. Київ, 2008. Т. I. С. 127—141; *Українська перекладознавча думка 1920-х — початку 1930-х років: Хрестоматія вибр. пр. з перекладознавства до курсу «Історія перекладу»* / Уклад. О.А. Кальниченко, Ю.Ю. Полякова. Вінниця, 2011; *Коломієць Л.В.* Український художній переклад та перекладачі 1920—30-х років: навчальний посібник. Київ, 2013; *Українське перекладознавство. Проблеми художнього перекладу: Бібліографіч. покажчик* / Укладач. Ю.Ю. Полякова. Харків, 2013 (http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/9544/2/Ukrain_perekladoznavstvo.pdf); *Українське перекладознавство ХХ сторіччя: бібліографія* / Уклад Т. Шмігер. Львів, 2013.
- Работы, посвященные отдельным авторам: *Зеров М.К.* Українське письменство / Упоряд. М. Сулима. Київ; 2003; *Шмігер Т.* Володимир Державин: теорія і критика перекладу // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Т. 11. Харків, 2005. С. 205—214; *Майфет Г.Й.* Перекладознавчі праці // Новий Протей. Вінниця, 2015. Вип. 1. С. 136—163; *Він же.* Вибрані розвідки з перекладознавства / Упоряд., вступ. стат. та прим. Т.В. Шмігера. Львів, 2017; *Шмігер Т.* Олександр Финкель — теоретик українського перекладу // Григорій Кочур і український переклад. Київ; Ірпінь, 2004. С. 272—278; *Радчук В.* Яка теорія допоможе практиці? // Олександр Финкель — забутий теоретик українського перекладознавства. Вінниця, 2007, и др.
- 20 См.: *Chernetsky V.* Nation and Translation: Literary Translation and the Shaping of Modern Ukrainian Culture // *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia* / Ed. Brian J. Baer. Amsterdam; Philadelphia, 2011. P. 33—54; *Kalnychenko O.* Oleksandr Finkel, Anton Popovic and the Problem of Auto-Translation // *Preklad a kultura* 5. Nitra; Bratislava, 2015. P. 151—162; *Šmiger T.* Designing a History of Translation Studies: A Case Study for Ukraine // *Translation Theories in the Slavic countries* / Eds. A. Ceccherelli, L. Constantino and C. Diddi. Salerno, 2015. P. 67—82; *Kalnychenko O.* History of Ukrainian Thinking on Translation (from the 1920s to the 1950s) // *Going East: Discovering New and Alternative Traditions in Translation Studies* / Ed. by L. Schippel and C. Zwischenberger. Berlin, 2017. P. 309—338; *Kalnychenko O.* Kamovnikova N. Oleksandr Finkel' on the Problem of Self-Translation // *TRALinea: online translation journal.* University of Bologna, Italy. 2019. Vol. 21. URL: <http://www.intralinea.org/archive/article/2349> и др.
- 21 Олександр Финкель — забутий теоретик українського перекладознавства: Збірка вибраних праць. Вінниця, 2007. 440 с.
- 22 Уч. зап. Харьк. гос. пед. ин-та иностр. яз. 1939. № 1. С. 59—82.
- 23 Уч. зап. Харьк. ун-та. 1956. Т. 74. Труды філол. фак-ту, вип. 4. С. 75—102.
- 24 Иван Франко — переводчик Некрасова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1956. Т. 15, вып. 4. С. 336—351.
- 25 Теория и критика перевода. Л., 1962. С. 104—125.

келя, выходявшие в сборниках «Мастерство перевода»: «66-й сонет [Шекспира] в русских переводах», «Лермонтов и другие переводчики “Еврейской мелодии” Байрона»²⁶, и завершается вышедшими уже после его смерти по материалам архива работами «“Ночная песнь странника” Гёте в русских переводах» (опубл. С.И. Гиндиным с его вступ. заметкой «Сравнение переводов как форма анализа текстов»)²⁷ и «“Заповіт” Т.Г. Шевченка в російських перекладах»²⁸.

Двуязычие Финкеля следовало бы дополнить третьим его языком — идиш, составлявшим важное для него лично и характерное для эпохи явление: на этом языке написаны и напечатаны статья «Стихотворный перевод»²⁹, несколько рецензий 1920-х гг. на переводы с «еврейского» на украинский, также имеются его собственные переводы с идиш.

Для отечественного читателя новым и самым важным в сборнике, несомненно, является фундаментальный труд «Теория и практика перевода», наилучшим способом ознакомления с которым был бы его полный перевод на русский. Здесь отметим только кое-что из того, что показалось нам особенно важным.

Первый, «теоретический», раздел книги включает фундаментальные очерки истории перевода и переводоведческой мысли (общемировой — прежде всего, конечно, античной и западноевропейской, русской и украинской), что позволяет представить ключевые теоретические вопросы перевода не как абстрактные умозрительные задачи, а в историческом плане, в связи с развитием общеполитической и филологической проблематики.

Вместе с этим подход Финкеля включает и реакцию на актуальные русские работы о переводе (которые мы собирались включить в свою «воображаемую антологию») — статьи Ф.Д. Батюшкова, вошедшие во второе издание сборника «Принципы художественного перевода» (1920), работу Г.А. Гуковского о поэтических состязаниях XVIII в. (1928), «Проблему стихотворного перевода» А.В. Федорова (1927). Таким образом, фундаментальный в историко-литературном отношении труд Финкеля оказывается встроено в актуальную отечественную мысль о переводе 1920—1930-х гг.

Для этой переводоведческой мысли характерно, в частности, то, что, излагая основания современной европейской теории перевода, Финкель начинает не с традиционных Шлейермахера и Гумбольдта (о которых, конечно, подробно говорит далее), а с разделения Тихо Моммзеном собственно переводов (не подражаний) на «бесстильные» («Когда чужое содержание передано почти абсолютно правдиво, но или совершенно не в форме поэтического произведения, или все же не в подобной или аналогичной») и «строгие, или стилистические» («Когда <...> форма и содержание переданы как только можно верно и все же красиво и понятно») ³⁰. К Моммзену же апеллирует М.П. Алексеев в своей работе «Проблема художественного перевода» (университетская лекция 1927 г., вышедшая в 1931 г. в дополненном виде отдельной брошюрой), настолько близкой к книге Финкеля, что Алексееву пришлось специально оговорить, что монографию Финкеля он прочел, когда его собственная работа была уже на стадии корректуры ³¹. От классификации Моммзена

26 Мастерство перевода. 1966. М., 1968. Сб. 5. С. 161—182; Мастерство перевода. 1969. М., 1970. Сб. 6. С. 169—200.

27 Русский язык: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2001. № 13. С. 5—12.

28 Мовознавство. 1975. № 2. С. 67—75.

29 Ди ройте Велт. 1928. № 4.

30 Цит. по: Олександр Фінкель — забутий теоретик українського перекладознавства. С. 67.

31 Алексеев М.П. Проблема художественного перевода. Иркутск, 1931. С. 32.

(1858) Финкель переходит к известной дилемме, сформулированной В. фон Гумбольдтом (1796): «Всякий перевод решительно представляется мне попыткой решения невозможной задачи; ибо каждый переводчик неминуемо должен разбиться об один из двух подводных камней: то ли за счет вкуса и языка своей нации, чересчур точно приближаясь к оригиналу, то ли за счет оригинала, слишком уж придерживаясь своеобразия своей нации», то есть к проблеме «непереводимости» как краеугольному камню понимания задачи переводчика в до сих пор актуальном ее варианте, восходящем к немецким романтикам. Своеобразное изменение Финкелем традиционной иерархии и хронологического порядка в изложении фундаментальных для переводоведения европейских идей, как представляется, связано с тем, что для университетских филологов, составлявших в то время ядро русского и украинского переводческого сообщества, известное противопоставление «точного» («буквального») и «вольного» («творческого») перевода было не инструментально и не интересно (оно пригодно главным образом для целей внутрилитературной борьбы в поле перевода) — их перевод интересовал прежде всего как метод филологической герменевтики оригинального текста, исследования его стиля.

Важнейшим национальным ориентиром и точкой отталкивания для Финкеля служила первая в Украине собственно теоретическая статья — В.Н. Державина «Проблема стихотворного перевода»³², вызвавшая бурную и во многом сформировавшую украинскую теорию перевода полемику. С этой статьи начинается сборник избранных работ Державина о переводе 1927—1931 гг., предваряемый вступительной статьей А. А. Кальниченко³³.

Державин с самого начала предельно заостряет проблему «художественности» перевода, распространяя те вопросы, которые мы предъявляем к его наиболее сложному материалу — стихотворному переводу (передача метра, синтаксиса (ритмико-синтаксические фигуры), поэтической лексики и чисто звуковой стороны оригинала (рифмы и словесная инструментовка)), на художественный перевод в целом: «...принципиального различия между проблемой стихотворного перевода и проблемой художественного перевода нет. Наличие стихотворного размера не образует особого языка, а лишь заставляет особенно ярко воспринимать все те особенности поэтического языка, которые принципиально возможны и в художественной прозе»³⁴. Эта последовательность развития мысли отличает подход Державина от современной ему российской традиции, где те, кто, как и он, основывали свое суждение о переводе на объективно-научном анализе, фокусировали внимание исключительно на стихотворном переводе как наиболее интересном и сложном, оставляя область прозаического перевода критике другого уровня, архаично опирающейся на авторитет традиции, обычая или на собственный непогрешимый «хороший вкус», что отразилось в малом числе содержательных рецензий на русские прозаические переводы, из-за чего стилистическое новаторство А.А. Франковского, М.Д. Эйхенгольца и Г.Г. Шпета (как переводчиков, соответственно, Пруста, Золя и Диккенса) и др. осталось до сих пор толком не осмысленным.

Державин пронизательно отмечает, что суждения с опорой на традицию и вкус могут казаться убедительными «только для единомышленников и людей автори-

32 Державин В. Проблема віршованого перекладу // Плужанин. 1927. № 9/10. С. 44—51.

33 Державин В. Про мистецтво перекладу: статті та рецензії 1927—1931 років / Ред. О.А. Кальниченко, Ю.Ю. Полякова. Вінниця, 2015. 293 с. Часть книги доступна на google.books, в сети можно найти и несколько других фрагментов, в частности входящий в сборник библиографический список работ Державина: <http://ekhnuir.univer.kharkov.ua/handle/123456789/11758>.

34 Статьи Державина здесь и далее цитируются в переводе А.А. Кальниченко, готовящемся к печати.

тарного типа мышления», тогда как опора на соображения научного лингвистического характера дает основание для объективного понимания. Ровно это произошло в эволюции российского переводоведения, когда все усилия Б.И. Ярхо, раннего А.В. Федорова, Г.Г. Шпета по выработке объективных научных критериев точности перевода как необходимого фундамента для его практики и критики были с конца 1930-х и особенно после войны вытеснены приобретшей авторитарный характер вкусовой критикой Чуковского и Кашкина.

Державин выделяет феномен «художественного перевода», опираясь на разделение трех функций языка: 1) «коммуникативной», которая передает «не само значение слова, а ту объективную действительность, на которую значение данного слова указывает»; по своей природе «действительность», «никак не зависит от того, на каком языке о ней говорят» и полностью поддается переводу как «переложение объективных фактов и мыслей на другой язык»; 2) «познавательной» («слова-термины» и собственные имена, которые Державин предлагает «совсем не переводить, а транскрибировать»); и 3) «художественной», ориентированной на художественную функцию слова, которую «надо искать исключительно в его внешней и внутренней форме, как это делал А.А. Потеня», то есть «в его звуковом составе, морфологии, синтаксисе и лексике (которую надо понимать исторически, в связи с этимологией). <...> Вопрос только в том, каким образом эта передача внешней и внутренней формы языка вообще выполнима». Таким образом, принятое в учебниках по переводу рассмотрение художественного перевода в одном ряду с устным («коммуникативным»), научным и деловым («познавательным») оказывается введением посторонних явлений в область собственно перевода (т.е. «художественного перевода»). «Бескорыстие», по словам Державина, «в логическом отношении» всей собственно языковой системы художественного текста (грамматической, синтаксической и др.) дает объективное основание для развенчания позднейшей теории «реалистического перевода» Кашкина, который утверждал, что перевод якобы воспроизводит некую стоящую за оригинальным текстом «реальность».

Сосредоточиваясь далее на собственно художественном переводе, который «стремится передать именно художественное (а не идейное или психологическое) значение оригинала и всей связанной с ним литературной эпохи», Державин называет его «переводом-стилизацией» — довольно неудачно, во всяком случае для русского уха, поскольку под стилизацией у нас обычно понимается именно подражание, а не точный очуждающий перевод; в сущности, Державин имеет тут в виду не «стилизионный», а «стилистический» перевод, в духе Т. Моммзена: «...художественный перевод (перевод-стилизация) должен быть, по возможности, дословным. Не в том, что каждое слово оригинала переводится по отдельности, а в том, что художественная ценность любого предложения, слова, грамматической и фонетической структуры оригинала должна, по возможности, найти отражение в стиле перевода. Такой перевод многим покажется крайне “экзотическим” и даже близким к пародии; пусть так, от стилистического такта переводчика всегда зависит либо сохранить границу между стилизацией и пародией, либо нет; во всяком случае, даже пародия лучше передает художественное своеобразие оригинала, чем гладкий литературный штамп. А что касается экзотики, то адекватный перевод экзотического текста (а экзотическим мы называем все, что в основных чертах чуждо нашему собственному культурному сознанию) избежать стилистической экзотики, ясное дело, не может». Эта ясно сформулированная научная позиция критика могла бы послужить фундаментальным основанием для защиты наших «поверженных», по точному выражению А.Г. Азова, «буквалистов».

Основной объем вошедших в сборник работ Державина составляют опубликованные в украинских периодических изданиях второй половины 1920-х гг. ре-

цензии на новейшие переводы на украинский, которые тогда, в русле национального возрождения, переживали бурный расцвет. Это работы на украинском, о переводах на украинский, адресованные украинскому читателю. Однако они актуальны и для нас даже не столько потому, что содержат также отклики на российские издания (на «Временник отдела словесных искусств ГИИИ» «Поэтика» (1928. Сб. 4), на сборник К. Чуковского и А. Федорова «Искусство перевода» (1930)), сколько благодаря их заостренному, концептуальному характеру³⁵ и разительным переключениям с синхронной им ситуацией в русском переводе и переводоведении.

Прежде всего, Державин рецензирует новейшие переводы на украинский мировой классики: Р. Роллана, Вольтера, Мопассана. Верхарна, Д. Лондона, Э. По, Шиллера, Бальзака, Гамсуна, Гюго, Доде, П. Мериме, Аристофана, Гюго, Дюамеля, Флобера, Мольера, «Калевалы» и др. Для нас тут интересна близость и синхронность раннесоветской украинской и русской работы по освоению *Weltliteratur*, по выработке нового уровня точности, адекватности перевода³⁶. Вероятно, полезно было бы сравнить, в частности, презумпции нового прочтения «Декамерона», сформулированные Державиным в предисловии к украинскому переводу 1928 г., и вышедшее тогда же переиздание перевода «Декамерона» А.Н. Веселовским (1-е изд. — 1891—1892), программно открывшее серию издательства «Academia» «Сокровища мировой литературы», — перевода, который, в отличие от современной ему традиции и в созвучии с новыми требованиями к переводу, передавал «итальянский текст полностью и буквально»³⁷. Также, вероятно, полезно было бы соотнести соображения, высказанные в рецензии Державина на украинский перевод «Гамлета» М. Старицким (1928), с новыми «эквиритмическими» принципами, положенными А.А. Смирновым и Г.Г. Шплетом в 1934—1935 гг. в основание нового русского собрания сочинений Шекспира, с русскими переводами «Гамлета» М.Л. Лозинским, А.Д. Радловой, Б.Л. Пастернаком и их рецепцией; отзыв на новые украинские переводы Гейне Д. Загула (1930) — с раннесоветской актуализацией Гейне во множестве переводов — А.А. Блока, В.А. Зоргенфрея, Ю.Н. Тынянова и т. д.³⁸

Другая ключевая область украинского перевода, отраженная в рецензиях Державина, — русская классика (Пушкин, Гоголь, Лесков, Чехов), перевод которой на «простой» и «бедный» украинский язык, как писал А.И. Белецкий в 1929 г., еще недавно казался даже более, чем переводы западной классики, «бесцельной тратой

35 Ср. статью Державина «До питання про сучасну літературну рецензію: Критика чи інформація?» (Критика. 1929. № 3. С. 91—103).

36 Ср. также статью Державина 1930 г. «Наші переклади з західніх класиків та потреби сучасного читача» (Червоний шлях. 1930. № 10. С. 160—168).

37 *Шишмарев В.Ф.* «Декамерон» Боккаччо // Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. Александра Веселовского со вступ. статьей В.Ф. Шишмарева и предисл. П.С. Когана. Л., 1927. Т. 1. С. XXV. В частности, интересно было бы сравнить русский и украинский переводы лирических стихотворений, которыми заканчиваются отдельные дни «Декамерона», поскольку в издании 1927 г. старые вольные переводы П.И. Вейнберга были заменены переводами ключевых мастеров отечественного перевода новой эпохи М.А. Кузмина и М.Л. Лозинского.

38 Также интересны, в контексте как теории перевода Державина, так и параллельных российских переводческих явлений, его собственные переводы 30-х гг. (не вошедшие в рецензируемый сборник) — «Дафниса и Хлои» Лонга (1936) — ср. с вышедшим тогда же, в 1935 г., в «Academia» новым переводом С.П. Кондратьева; «Милого друга» Мопассана (1936) — ср. вышедший в том же, 1936 г. перевод Ан. Чеботаревской под ред. А.А. Смирнова (этот перевод ранее, в 1926 г., выходил под другой редакцией — Ф. Сологуба); переводы античных памятников (фрагментов «Илиады», «Батрахомиомахии», Пиндара, Софокла, Апулея и др.) в украинской антологии античной литературы (1938).

сил и средств»³⁹, — однако уже к концу 1920-х стало очевидно, что эта языковая работа по переводу с, казалось бы, столь близко родственного языка, на котором украинские читатели привыкли читать русскую литературу, имеет огромное значение для обеих культур. В частности, Державин в рецензии на переводы Гоголя отметил, что, опираясь на относительное «двуязычие» раннего Гоголя, переводчики систематически использовали не только те украинизмы Гоголя, которые есть в окончательной редакции «Вечеров», но и те, которых множество в черновиках рукописей, то есть осуществляли принцип «обратного перевода»⁴⁰ и, кроме того, стремились к тому, чтобы использовать все те украинские слова, которыми мог бы воспользоваться Гоголь, если бы писал именно в то время соответствующие рассказы на украинском языке, — для этого переводчики решительно отказывались от банальной модернизации гоголевского стиля и скрупулезно избегали неологизмов (конца XIX столетия и современных). Особенно интересны соображения Державина о переводе «Тараса Бульбы» — произведения, в котором Гоголь придерживался стилистической ориентации на языковой колорит украинского народного эпоса гораздо свободнее и менее последовательно, чем стилистической ориентации на язык украинских мелкопоместных дворян в бытовых повестях «Миргорода», и, кроме того, был не свободен от подражания «гиперромантической» стилистике Марлинского. Следовательно, задача переводчика усложняется: «...следует ли “исправлять” отдельные стилистические непоследовательности (в частности, модернизмы) Гоголя, придерживаясь более последовательно, нежели сам автор, основной ориентации его на народный эпос, или не следует?»⁴¹

Наконец, третья область критического интереса Державина — переводы на украинский произведений современной литературы — Вудхауза, Ремарка, а также антология новой американской поэзии Кулика. Из этих рецензий наиболее концептуален отзыв на «Псмиита-журналиста» Вудхауза в переводе И.Ю. Кулика⁴²: юмор Вудхауза «обнаруживается преимущественно не в комичных ситуациях, а в комизме стилистическом, в комизме языка и фразеологии», что достигается «постоянным столкновением и чередованием английского литературного языка и “книжной” манеры высказываться с нью-йоркским уличным жаргоном» — очевидно, пишет Державин, что стилистическую сторону такого произведения нельзя адекватно воспроизвести в переводе, и Кулик избирает путь, говоря современным языком, стилистической доместикации, весьма изобретательно передавая американские вульгаризмы и прочие фразеологизмы приблизительно адекватными украинскими. Считая в принципе ложным такой «гиперукраинизирующий» подход к иностранному художественному произведению, который создает у читателя впечатление, будто он имеет дело с оригинальным украинским романом о нью-йоркской жизни и который на практике «приводит к стилистическому гротеску, <...> к неправдоподобному употреблению специфически украинских народных высказываний в речи англо-американских джентльменов», Державин тем не менее высоко оценивает виртуозное языковое разнообразие переводчика.

В заключение необходимо признать, что во всем, что мы тут написали о ранне-советской истории украинского переводоведения, едва ли есть что-то новое для профессионального отечественного читателя, но не современного, а читателя 1930-х гг., когда М.П. Алексеев, выпускник Киевского университета, читал в Иркутске книгу

39 *Белецкий А.И.* Переводная литература на Украине // Красное слово. 1929. № 2. С. 87—96.

40 *Державин В.М.* [Рецензия на укр. языке] // Критика. 1929. № 7/8. С. 218—219.

41 *Державин В.М.* [Рецензия на укр. языке] // Червоний шлях. 1931. № 3. С. 220.

42 Критика. 1929. № 3. С. 142—144.

Финкеля 1929 г. на украинском и обнаруживал в ней поразительную близость к собственной, А.В. Федоров в статье «Приемы и задачи художественного перевода» (1930) делал специальное примечание о том, как соотносятся выделенные им тенденции в переводе «установка на родной язык» / «чужезычность» с классификацией, предложенной Державиным («аналогический» / «омологический» перевод)⁴³; в ГАХН 3 мая 1928 г. обсуждался доклад Д.С. Усова «Из новейшей литературы по теории перевода», где, естественно, шла речь и о «проблеме художественного перевода в трактовке В.Н. Державина»⁴⁴, и т. д. Рассмотрев историю советского украинского перевода 1920—1930-х гг., совершенно невозможно понять, как могло получиться, что она не является одним из ключевых, обязательных элементов истории советского перевода. Однако пока это именно так.

-
- 43 Федоров А.В. Принципы и задачи художественного перевода // Чуковский К.И., Федоров А.В. Искусство перевода. Л., 1930. С. 232, примеч. 21. Как заметил А.М. Финкель, в статье Державина 1927 г., на которую ссылается Федоров, этих терминов (введенных им позже) нет, т.е. в распоряжении Федорова имелась более обширная, чем опубликованный вариант, рукопись статьи Державина (Олександр Фінкель — забытый теоретик українського перекладознавства. С. 244).
- 44 См.: Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...» / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1. С. 487; Т. 2. С. 500, 502, примеч. 8; прения по докладу: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 41. Л. 22 об.; Ед. хр. 65. Л. 22—24. Вообще, кажется, можно говорить об «украинском» (или, вернее, «потемнинском») влиянии в наиболее ярких образцах того, что впоследствии стали называть «буквализмом» в переводе: Г.А. Шенгели и Е.Л. Ланн были выпускниками Харьковского университета.